

ГЛАВА 5

МОРДОВСКИЙ ЭТНОС В ИМПЕРСКОМ СОЦИУМЕ: XVIII – НАЧАЛО XX вв.

*Валерий ЮРЧЕНКОВ,
доктор исторических наук,
профессор Мордовского
гос. университета*

1. Постановка проблемы

Развитие науки поставило перед учеными-гуманитариями ряд проблем, связанных с определением места и роли регионов и этносов в системах достаточно большого масштаба, в частности, в имперском социуме. Перспективность и научную значимость данной проблематики отметил автор известной книги о Российской империи Андреас Каппелер: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с этническими конфликтами рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп»¹. С ним солидарны участники международного семинара «Региональные процессы в имперской России», предложившие объединить усилия специалистов в различных областях гуманитарного знания, хорошо представляющих

региональную специфику, для изучения типа развития и бытования империи, соотношения общего и особенного, имперского и регионального². Необходимо учитывать и то, что данная тематика породила в последние годы массу мифологизированных построений, что существенно искажает историческую реальность в общественном сознании и требует определенных усилий историков по его корректировке³.

При характеристике места этносов в имперских системах, по всей видимости, стоит учитывать определение империи как исторической формы организации большого геополитического пространства («мир-империя» Фернана Броделя), исторического способа преодоления мировой локальности, установления внутреннего мира и межрегиональных экономических и культурных связей, хотя бы и силой. Империя выступает как триединство власть–территория–население, подразумевает наличие «центра» и «периферии» и имеет свою иерархию, что предполагает различные виды неравенства периферийных регионов по отношению к центру. В центре же располагается сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение⁴. Майкл Дойл внес уточнения, с которыми нельзя не согласиться. По его мнению, империя выступает как «отношение, формальное или неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества»⁵. Он считает империю «системой взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых – доминирующая метрополия осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т.е. действенным суверенитетом другой единицы – подчиненной периферии»⁶. Аналогичные позиции занимают многие современные политологи и историки (Джон Амстронг, Рональд Суни и др.). Фактически империя понимается как определенная форма господства и контроля. При этом периферия выделяется составом населения, региональными особенностями, политическими и социальными структурами.

Характеристика взаимоотношений центра и периферии порождает ряд весьма непростых методологических вопросов, успешное решение которых может существенно изменить представления об империи как историческом феномене. Особый интерес при этом представляет рассмотрение функционирования в рамках империи мордовского этноса, принадлежащего к числу автохтонных народов Восточной Европы, архогенетических народов уральской языковой семьи. Его взаимодей-

ствие с российскими имперскими структурами обладает целым рядом весьма редко встречающихся, а как комплекс и вовсе уникальных черт. К сожалению, научная мордвинистика переживает период становления, и многие вопросы остаются неизученными. Из серьезных разработок по данной тематике следует назвать монографические исследования профессора Николая Мокшина⁷, коллективные работы под общим названием «Мордва»⁸, первую из которых подготовил коллектив НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия, а вторую – ученые Мордовского госуниверситета. Однако они были написаны в значительной степени под влиянием известной парадигмы «Россия – тюрьма народов», и существование мордвы в рамках Российской империи в них оценивалось достаточно негативно. Фактически была выражена телеологическая точка зрения о естественности и безальтернативности этнического развития мордвы, которое неизбежно преодолевает все препятствия, создаваемые политикой империи. В несколько измененном виде такой подход характерен и для недавно изданной монографии профессора Владимира Абрамова⁹. В последние годы парадигма «тюрьма народов» была подвергнута серьезному сомнению¹⁰, что существенно снизило научную значимость названных исследований. На Западе отдельные проблемы истории мордвы затронули в своих работах немецкий исследователь Андреас Каппелер¹¹, финский этнодемограф Сеппо Лаллукки¹², израильский историк Изабель Крайндлер¹³. Однако имперского периода этнической истории мордвы они коснулись лишь отчасти. Все это определило наш интерес к имперской тематике в регионально-национальном аспекте.

2. Вхождение мордовского народа в состав России

Историческая судьба мордовского народа оказалась связанной с Российским государством, вхождение в состав которого было достаточно длительным. Это многое определило в последующем развитии этноса, его функционировании в рамках российского имперского социума. Оно распадается на несколько тесно взаимосвязанных, но асинхронных процессов. Первоначально, как нам представляется, сложились политичес-

кие предпосылки для присоединения к Московскому государству мордовских земель в составе Нижегородского и Рязанского великих княжеств. В 80-е годы XV в. в связи с определением восточной границы Русского государства вопрос о вхождении мордовского народа был решен политически, а его правовое оформление затянулось до свияжской присяги народов Среднего Поволжья Ивану IV Грозному (1551 г.) и ознаменовалось целым рядом предшествовавших этому юридических актов. Взятие в 1552 г. Казани и ликвидация Казанского ханства обеспечили вхождение мордвы в состав Русского государства с военной точки зрения. Вторая половина XVI – XVII вв. характеризуются экономическим освоением земель и включением региона в политическую и социальную структуру русской сословно-представительной монархии, что можно рассматривать как последствия этого процесса. В это время идет имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных структур (административно-территориальное деление, специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда и т.п.), интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, экономической и социокультурной модернизации¹⁴. В результате мордовский край оказался полностью интегрированным в территориальную структуру будущего имперского центра, и на него стала распространяться та же политика, что и на другие провинции метрополии. Поэтому *в строгом смысле слова отношение центра к мордве нельзя назвать имперским* и модели и терминология исследований колониализма (colonial studies) не всегда подходят для характеристики положения мордвы в империи, поскольку они акцентируют внимание лишь на отдельных аспектах, а в ряде случаев уводят в ложном направлении.

3. Участие в имперском строительстве

Сравнительно безболезненный процесс включения мордвы в состав Российского государства и хронологически сравнительно ранний определили *участие этноса в генезисе империи* как таковой, отсутствие резкого противостояния между этническим и общегосударственным самосознанием. Первоначально строительство империи было тождественно процессу поглощения окраинных земель и их колонизации, в

который мордовские крестьяне включились в силу целого ряда причин (аграрное перенаселение, бегство от устанавливавшихся феодальных порядков, русской помещичьей колонизации, христианизации и т.п.). Однако несмотря на преимущественно субъективный характер этих причин объективно мордовские переселенцы совместно с русскими способствовали складыванию имперской системы и поглощению окраинных земель. Они активно участвовали в жизни российского «фронта», внося свой вклад в конструктивные аспекты российской колонизации (рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры).

Таблица 1

*Расселение мордвы в Российской империи**

Губернии	1859 г., тыс. чел.	1897 г., тыс. чел.	Прирост, %	Городское население, 1897 г., %
Нижегородская	63-84	53,1	-27,8	0,2
Тамбовская	66-68	89,7	33,9	0,3
Пензенская	127	187,9	47,9	0,5
Симбирская	136	189,0	38,9	0,5
Саратовская	92-94	123,9	33,2	0,8
Казанская	17	22,2	30,6	0,6
Самарская	135	238,6	76,7	0,6
Уфимская	10	37,3	273,0	1,2
Оренбургская	9	38,4	326,7	4,5
Астраханская	1	1,9	90,0	7,7
Донская область	-	0,4	-	11,8
Другие губернии	-	6,2	-	63,0
Всего в Европейской России	656-681	988,6	47,9	0,8
Тобольская	-	1,6	-	0,1
Томская	1	14,9	-	6,4
Енисейская	-	3,7	-	2,3
Иркутская и Приморская	-	0,5	-	14,2
Тургайская	-	2,1	-	33,0
Акмолинская	-	8,1	-	5,1
Уральская	-	0,8	-	28,7
Семипалатинская и Ферганская	-	0,3	-	53,0
Закавказье и др. районы	-	2,2	-	
Всего в Азиатской России	1	34,2	-	8,2
Всего по России	657-682	1022,8	52,8	1,3

*Составлена на основе данных: Козлов В.И. Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 37; Мордва. Саранск, 1981. С. 34.

Во второй половине XVII в. – первой половине XVIII в. мордва заселила Пензенско-Саратовский край. Основные ареалы мордовских селений были в междуречьи верховий Суры и Волги. Отдельные селения были основаны вблизи правого берега Волги (д. Старая Яблонка) и даже в чисто степных районах (с. Сухой Карбулак). В начале XIX в. небольшие группы мордвы переселились еще далее на юг – в район г. Камышина, появились в восточных уездах Оренбургской губернии и даже на юге Западной Сибири. Мордовские поселения были основаны и в Закавказье. Накануне реформы 1861 г. в Азиатской России проживало около 2 тыс. человек¹⁵. В пореформенные годы мордва начинает заселять Казахстан (в 1897 г. она составляет там 0,2%, а в 1917 г. – 0,3% населения). Здесь она оседает в Акмолинской области (1897 г. – 1,1%, 1917 г. – 1,6%), преимущественно в Кокчетавском уезде (1897 г. – 4,3%, 1917 г. – 5,2% жителей)¹⁶. Динамика миграций мордвы в империи представлена в таблице 1.

Во второй половине XIX в. мордовское население появилось практически во всех более или менее экономически значимых районах Российской империи, причем в Азиатской России к концу века оно составляло существенную часть городского населения – 8,2 %. Сложилась важная отличительная черта мордовского этноса, существующая до настоящего времени, – *дисперсность расселения*. Не случайно финский этнодемограф Сеппо Лаллукка назвал мордву одним из наиболее раздробленных народов России¹⁷. Порайонные изменения удельного веса мордовского населения в имперский период претерпели определенные изменения (таблица 2).

Таблица 2

Удельный вес мордовского населения в регионах Российской империи (1719-1917 гг.), %*

Регион	1719 г.	1916-1917 гг.
Центрально-Промышленный	0,4	0,6
Центрально-Земледельческий	0,3	0,7
Среднее Поволжье	4,9	6,8
Нижнее Поволжье	0,01	5,2
Южное Приуралье	-	1,8
Казахстан	-	0,3
Итого	0,7	0,7

*Составлена на основе данных: Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719-1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 26.

4. Оформление этнических характеристик

Этнические характеристики свидетельствуют, что ни в одном из районов своего расселения мордва не составляли этнического большинства, она превратилась в *весьма своеобразное этническое меньшинство*. Этнические меньшинства принято делить на первичные и вторичные. Первичные возникают, как правило, в результате территориальной экспансии, включения относительно развитым государством в свой состав сопредельного аграрного общества, вторичные же формируются главным образом из мигрантов. Первичные этнические группы-меньшинства продолжают функционировать в окружающем обществе как более или менее целостные подобщества, способные к удовлетворению основных социальных потребностей своих членов. Вторичные же этнические группы-меньшинства находятся под большим воздействием соседствующего большинства¹⁸. Мордовский этнос в рамках империи совмещал в себе черты и первичных, и вторичных этнических групп-меньшинств.

Миграции привели к образованию *этнически смешанных структур расселения* мордвы как на этнической территории, так и вне ее. Мордовские селения часто располагались по соседству с русскими, а в некоторых местах – с татарскими, чувашскими, башкирскими. Нередко они имели смешанное население. Так, мордва Самарской губернии в 1860-е годы проживала в 278 селениях, из которых 144 считались чисто мордовскими, 108 имели мордовско-русское население, а оставшиеся 26 были заселены наряду с мордвой татарами, башкирами, русскими, чувашами в различной пропорции. В Казанской губернии в конце XIX в. на территории трех уездов (Спасский, Тетюшский, Чистопольский) мордва проживала в 23 деревнях, и только 9 из них были чисто мордовскими¹⁹.

Дисперсность и этнически смешанный характер расселения мордвы позволяет характеризовать ее как *российский народ с геополитической точки зрения*, тем более, что в Сибири, на Дальнем Востоке, а особенно в Средней Азии и Казахстане мордовские переселенцы воспринимались местным населением как выходцы из центра России, как этнически русские, как проводники политики центральных властей, что порождало соответствующую обратную реакцию в виде элементов имперского сознания.

Длительность и постепенность процесса вхождения мордовского народа в состав Российского государства позволили ему без большого ущерба адаптироваться к непривычным социально-экономическим и политико-идеологическим реалиям, создали условия для более или менее комфортного существования в рамках имперского социума. Свидетельством комфортности и весьма благоприятных условий существования является *быстрый численный рост* мордовского этноса в имперский период, можно говорить о демографическом «взрыве» (таблица 3).

Таблица 3

Мордва в Российской империи (XVIII – начало XX вв.)*

	1719 г.	1835-1848 гг.	1897 г.	1914-1917 гг.
Численность (тыс. чел)	107,4	492	1023,8	1187,9
Среднегодовой прирост населения (%)		1,2	1,3	0,8

*Составлена на основе данных: Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719-1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 24; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Общий свод данных. СПб., 1905.

В начале XVIII в. (1719 г.) в империи проживало 107,4 тыс. представителей мордвы, что составляло 0,7% общего числа населения²⁰. Материалы третьей ревизии (1762-1764 гг.) зафиксировали 222,1 тыс. человек, четвертой (1781 г.) – 279,9 тыс., пятой (1796 г.) – 345,5 тыс. человек²¹. Академик Петр Кеппен на основании материалов восьмой ревизии (1835 г.) определил их численность в 480 тыс. человек²². В лекциях по истории и культуре финно-угорских народов, изданных в 1857 г., финский исследователь Матиас Кастрен указал цифру 388111 человек²³. Спустя несколько лет, в 1861 г. Август Алквист привел иные данные – 480241 человек²⁴. Профессор Виктор Козлов при обработке материалов десятой ревизии (1858 г.) назвал цифру в 660-680 тыс. человек²⁵. Первая всеобщая перепись населения России, проведенная в 1897 г., установила численность мордвы по признаку родного языка в 1023,8 тыс. человек. В 1914-1917 гг. эта цифра возросла до 1187,9 тыс. человек. Иными словами, за два столетия существования в рамках имперского социума численность мордовского этноса увеличилась в одиннадцать раз. Его прирост, определяемый благоприятным соотношением рождаемости и смертности, существенно превосходил потери от асси-

миллионных процессов. Среднегодовой прирост на протяжении всего XIX в. не уступал приросту русского и других народов империи.

Благоприятные условия существования и быстрый численный рост позволили окончательно оформиться этнической структуре мордовского этноса, которую профессор Николай Мокшин определил как *бинарную*, включающую в себя два субэтноса – мокшу и эрзя. Каждый субэтнос, считая себя мордвой, в то же время обладал присущими только ему самосознанием и самоназванием (субэтнонимом)²⁶. Деление мордвы на субэтносты закрепилось в российской научной и общественной практике еще в XVIII в. Уже Петр Рычков писал в 1762 г.: «...Мордва именуется себя Мокши, которым именем... и Татары их называют. Некоторые же из них есть, кои называются Эрзя и в языке с Мокшами несколько имеют разности»²⁷. Следующими, кто указал на бинарность этноструктуры мордвы, стали руководители экспедиции Российской АН 1768-1774 гг. Иван Лепехин²⁸ и Петр Симон Паллас²⁹. Они фактически отразили не просто существование бинарности в структуре мордовского этноса, но и тенденцию субэтносов к разворачиванию.

Как нам представляется, с позиций современного обществознания мордву стоит охарактеризовать как *пульсирующий этнос*. Дело в том, что на протяжении истории внешние и внутренние условия существования мордвы неоднократно менялись и это приводило к тому, что временами субэтносты (мокша и эрзя) начинали развиваться относительно самостоятельно. Они получали толчок к разворачиванию своих внутренних сил и ресурсов, и возникала тенденция перерастания субэтносов в этносты, вполне самобытные, хотя и родственные. Временами же, наоборот, субэтносты оказывались в условиях, требующих объединения усилий, сплочения перед лицом опасности. В этом случае проявлялась тенденция свертывания субэтносов и их консолидации в единый этнос – мордву. Внутренние устремления и амбиции приносились в жертву общим интересам. Таким образом, сложилась пульсирующая этническая система, которая то раскрывается, то свертывается³⁰. В имперский период тенденция разворачивания субэтносов, по всей видимости, преобладала, о чем свидетельствуют и расселение мордвы, и ее численный рост.

5. Принятие христианства и его последствия

Мордовский этнос был втянут в орбиту Российского государства в период, когда религия являлась одним из основополагающих национально-государственных критериев, а христианизация – государственной политикой. Центральная власть создала четкую законодательную основу для деятельности православной церкви и представителей иных конфессий. Российское законодательство предусматривало признание первенства и господства православия³¹. Вместе с тем, был провозглашен принцип свободы вероисповедания, в том числе для язычников³². Законодательство определяло порядок присоединения к господствующей церкви, систему льгот для новокрещенных, меры пресечения «отпадения» от православия. Принципами присоединения иноверцев официально были признаны «увещевания», «кротость», «добрые примеры», а не насилие³³. Обязанности по привлечению к православной церкви в основном лежали на приходских священниках, которые «в особо нужных случаях» должны были «входить в соглашение с гражданским начальством»³⁴.

Принятие мордвой православия явилось своеобразным идеологическим обоснованием и реализацией ее вхождения в состав Российского государства. При посредстве религии мордва окончательно вошла в систему, стягивающую этносы в рамках единого пространственно-временного континуума, степень ее комфортности существенно повысилась. Кроме того, этнос приобщился к великой традиции, которая выбрала из всего многообразия ценностей приоритетные и сообщила им трансцендентный характер – вывела их из сферы критики и тем самым предупредила релятивизацию ценностей. Это было весьма важно в условиях серьезного кризиса и трансформации традиционного языческого мировоззрения мордвы.

Массовая христианизация мордвы приходится на имперский период российской истории. Еще в начале XVIII в. Филипп фон Страленберг, шведский офицер, попавший в российский плен под Полтавой, отмечал преобладание языческих верований в мордовской среде³⁵. Тогда же были предприняты первые шаги по их искоренению, когда по указу Петра I в 1700 г. в Киевской духовной академии была начата подготовка миссионеров для распространения христианства среди

мордовских крестьян. В 1706 г. следующим указом Петр I потребовал ускорить процесс христианизации³⁶. Стоит отметить мотив религиозной нетерпимости и фанатизма при ее проведении, который присутствует, по мнению Андреаса Каппелера, даже у русского просветителя XVIII в. Ивана Посошкова³⁷.

Насилие служило поводом для выступлений мордовских крестьян против христианизации. В начале XVII в. алатырская мордва дважды топила в Суре игуменов Троицкого монастыря, в 1655 г. был убит архиепископ Рязанский Мисаил. В период гражданской войны 1679-1671 гг. восстание в мордовских деревнях чаще всего начиналось с побоев священника. В условиях империи наиболее крупным стало выступление крестьян Терюшевской волости в 1743 г., непосредственным поводом к которому послужила попытка епископа Нижегородского и Алатырского Дмитрия Сеченова разрушить мордовское кладбище у села Сарлей. По мнению исследователей, в выступлении приняло участие шесть тысяч человек³⁸. Восстание оказало существенное влияние на политику империи по отношению к мордве, правительство фактически отказалось от силового давления и переориентировалось на мирное распространение православия в крае. Для стимулирования процесса присоединения к православию были существенно увеличены льготы новокрещеным. За согласие креститься предоставлялись льготы в государственных сборах на три года, освобождение от рекрутской повинности и наказаний за некоторые преступления, а также материальное вознаграждение³⁹. Стали сказываться положительные стороны принятия новой религии мордвой. Наиболее важным было то, что принятие православной веры в условиях, когда она считалась государственной религией, означало социально-правовое уравнивание мордвы с русским населением. Не случайно с 1740 по 1762 гг. православие приняли 67580 представителей мордвы (около 70% общей численности)⁴⁰. Именно эти годы финский исследователь Уно Харва-Холмберг выделяет как период массового обращения мордвы в христианство⁴¹. Однако присутствовал элемент формальности, подмеченный еще церковным историком Аполлоном Можаровским: «Проповедники, к сожалению, большею частью и ограничивались... легким способом обращения, не вменяя себе в обязанность – возбуждать в сердцах и мыслях новокрещеных живую и искреннюю веру в Христа и научать христианству»⁴².

Закрепление православия в мордовской среде произошло во второй половине XVIII – начале XIX вв., когда оно проникло в быт, стало составной частью уклада. Произошли изменения в повседневной жизни, обрядах (икона стала принадлежностью быта и целого ряда обрядов, на кладбищах вместо срубов стали ставить кресты и т.п.). Наконец трансформировалось мировоззрение мордвы, была воспринята идея о сотворении мира Богом, языческие представления о загробном мире совместились с христианскими представлениями о рае и аде и т.д. Сложился мордовский вариант православия, охарактеризованный Василием Ключевским как двоеверие⁴³. Его реальным проявлением можно считать взгляды руководителя движения терюшевских крестьян 1809 г. Кузьмы Алексеева и его сторонников, которые помимо элементов древней мордовской веры включали в себя образы и идеи христианства (Богородица, Николай Чудотворец, архангел Михаил)⁴⁴. Подобное происходило и с другими народами⁴⁵. По всей видимости, в то время это была единственно возможная форма этнической идеологии.

В XIX в. с целью укоренения христианства в мордовской среде имперские структуры проводили активную политику просвещения на основе православия. С этой целью на мокшанский и эрзянский языки переводились религиозные тексты, создавалась обширная учебная литература. Логическим завершением этой тенденции можно считать систему, предложенную одним из выдающихся миссионеров своего времени Николаем Ильминским. В 1871 г. он констатировал: «Инородцы не знают христианства, они не только не имеют понятия о догматах, о священном писании, но не знают даже самых главных событий священной истории»⁴⁶. В целях изменения ситуации он предложил активно использовать национальные языки. По мнению Николая Ильминского, дети инородцев, в том числе мордвы, должны сначала получать наставления на своем родном языке от местных учителей с использованием букварей, учебников, религиозной литературы, составленных на национальных языках. Стоит согласиться с оценкой Изабель Крейнцлер, считавшей язык основной характеристикой его миссионерской деятельности⁴⁷. Сам Николай Ильминский по этому поводу писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний и был

для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу. Как скоро в инородцах утвердились посредством родного языка христианские понятия и правила, они охотно и с успехом занимаются и русским языком, и ищут русского образования»⁴⁸.

Христианизация мордвы способствовала ее дальнейшей интеграции в имперские структуры, идеологической адаптации и возрастанию уровня комфортности существования в рамках империи. К концу XIX в. она была фактически завершена. По переписи 1897 г. 98,9% мордовского населения империи было православным, лишь 1,1% составляли старообрядцы; лютеран, мусульман, язычников не было⁴⁹.

Миссионерская политика привела к формированию *религиозной интеллигенции* из мордвы, которая использовала поддержку государства, преимущества образования и знание русского языка для артикуляции этнических интересов и развития этнического сознания. Первые мордовские просветители, педагоги и ученые вышли из этой среды (Авксентий/Арсений Юртов, Николай Барсов, Макар Евсевьев). Принятие православия потребовало от них не только отказа от многих национальных обычаев, перемены образа жизни, но и признания русского духовного превосходства. Однако их нельзя рассматривать как пассивный объект русификаторской политики. Они выбрали, по терминологии профессора П.Верта, «оговоренную ассимиляцию» (*negotiated assimilation*) – форму интеграции в русский мир, предусматривающую возможность сочетания православия и русского «просвещения» с национальными традициями и образом жизни, с этническим своеобразием. Для них был свойственен национализм, но универсальный, который воспринимал нацию как ценность, подчиненную другим, более универсальным ценностям. В этом смысле он отличается от национализма XX в., носящего агрессивный и ограниченный характер, абсолютизирующего нацию как высшую ценность. Мордовская интеллигенция восприняла значительную часть идей Николая Ильминского и пыталась реализовать их, стремилась сформировать культуру *национальную по форме и православную по содержанию*. При этом объективно оформлялись элементы, ведущие к нивелировке культурных различий, определился процесс аккультурации мордовского этноса.

6. Существование этноса в рамках империи

Существование мордовского этноса в рамках Российской империи сопровождалось *ассимиляционным процессом*, начавшимся еще в XVIII в. В пореформенные годы он ускорился. На территории Среднего Поволжья мордва составляла в 1897 г. 7,7%, а в 1917 г. – 6,8% населения, Южного Приуралья – соответственно 2,0 и 1,8%, Нижнего Поволжья – 5,9 и 5,2%. Мордва быстрее других этносов Поволжья вступала в тесные контакты с другими народами, в первую очередь с русским. В Нижегородской губернии в 1859 г. она составляла 9,1% общего числа жителей, а в 1917 г. – только 3,9%. Во многих уездах губернии мордовское население в это время исчезло совершенно⁵⁰. Немецкий исследователь XIX в. Ф.Фон Гельвальд отмечал: «При частых сношениях с русскими поселенцами, появившимися здесь, она (мордва. – В.Ю.) начала постепенно русифицироваться... Теперь все мордвины – официально, по крайней мере православные, прекрасно знают русский язык и в экономическом быту ничем не отличаются от окрестного русского населения, хотя сохранили свой язык и некоторые племенные особенности...»⁵¹ Английский исследователь А.Уоллес, опираясь на личные впечатления, попытался определить этапы или, как он сам отмечал, фазы ассимиляции: «Во время моих поездок по этим губерниям я встречал поселения на всех ступенях обрусения. В одном все казалось совершенно финским: жители имели желто-красный цвет лица, выдающиеся скулы, косо прорезанные глаза и особенно одежду; ни одна женщина не понимает по-русски; очень немногие мужчины могли понимать этот язык, и всякий русский, приехавший в селение, считался иноземцем. В другом же было несколько русских жителей; местные уже утратили свой финский тип, многие мужчины отказывались от старинной одежды и бегло говорили по-русски. В третьем финский тип стусевался еще больше; все мужчины говорили по-русски и почти все понимали русский язык; старинная мужская одежда исчезла совсем, старинный женский костюм был брошен почти всеми, и браки с русским населением не составили редкости. В четвертом браки почти совсем сделали свое дело, и древний финский элемент выражался только в некоторых особенностях физиономии и выговора»⁵². Раскрывая причины этого явления, казанский профессор Иван Смирнов писал: «Об-

русение ускоряется малоземельем, которое заставляет мужское население обращаться к отхожим промыслам и громадными артелями уходить за Волгу и в Астрахань»⁵³.

К сожалению, отсутствие исходных данных не позволяет охарактеризовать естественные ассимиляционные процессы с должной полнотой. Большинство исследователей отмечают их высокие темпы, не приводя конкретные цифры. Лишь в последнее время профессор Владимир Абрамов высказал предположение о том, что в конце XIX в. около 15% мордовского населения империи считали своим родным языком русский. К началу же XX в., по его мнению, соотношение обрусевшей мордвы с мордвой, говорящей по-русски и сохранившей родной язык, составило 10:2:1⁵⁴.

Ассимиляционные процессы подкреплялись имперской политикой *русификации*, ставившей своей целью, по официальным заявлениям, интеграцию мордвы в российское сообщество и превращение ее представителей в полнокровных российских граждан. Министр народного просвещения граф Д.А.Толстой указывал: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение»⁵⁵. Аналогичную позицию занимал и Николай Ильминский, который писал: «Мы берем русского человека в идеал и этот идеал стараемся усвоить инородцам. Русский идеал есть по преимуществу – православие: вот почему на православии-то мы так и настаиваем. Православие – основной, коренной, самый капитальный элемент русской народности. Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, – он уже обрусел»⁵⁶. Однако весь арсенал средств, которым правительство пользовалось при проведении политики русификации, практически сводился к школе. Он был ограничен из-за общей отсталости страны, неэффективности административной системы и запаздывания модернизационных процессов.

Таким образом, оформилось своеобразное переплетение естественных демографических процессов ассимиляции и имперской политики христианизации и русификации. Однако надо иметь в виду, что присутствовали и иные факторы. Например, в своем взаимодействии мордва и русские никогда не были один на один. Помимо русской культуры большое воздействие на мордву оказывала татарская культура, в ряде случаев выступавшая конкурентом и альтернативным

образцом для подражания. Это привело к возникновению особой этнографической группы мордовского этноса – каратаев. Первым об их существовании сообщил Иван Лепехин, передавший один из разговоров с мордовскими крестьянами: «Они еще сказывали нам о... роде мордвы, которых каратаями называют и которых только три деревни в Казанском уезде находится»⁵⁷. Исследования XIX в. показали, что каратаи сформировались в результате существенного татарского влияния, фактической аккультурации.

Мордовский этнос оказался интегрированным в российскую имперскую систему и с точки зрения *социальной стратификации*. Интеграция началась еще в XVII в. и в первую очередь охватила этническую элиту, представителей местной знати. В значительной степени она сводилась к процессу деклассирования мордовских мурз, в ходе которого следует выделить два момента. Первый связан с христианизацией местной знати в 1681-1682 гг. (широко осуществлялась в Темникове, Касимове, Шацке, Керенске), второй – с указом от 3 ноября 1713 г., который поставил перед мордовской элитой альтернативу: либо она окончательно сливается с русским дворянством, либо изменит свое экономическое и правовое положение и войдет в категорию государственных крестьян. В реальной истории произошло последнее⁵⁸. Реформы петровского времени привели к известной нивелировке различных категорий сельского населения. В мордовском крае шаги в этом направлении свелись к ликвидации исключительного статуса ясака, увеличению денежного обложения мордвы, а также к распространению с 1722 г. на мордовских крестьян рекрутской системы⁵⁹.

В XIX в. процесс интегрирования мордовского этноса в российскую социальную структуру был завершен и уже мыслился в значительной степени не в этнических, а в социальных категориях. Перепись 1897 г. отразила сложившуюся ситуацию (таблица 4).

Социальная структура мордовского населения империи практически полностью совпадала с социальным делением российского общества, а этническая принадлежность не мешала межсословным перемещениям. Однако надо иметь в виду, что в силу крайней малочисленности ни одна из сословных групп мордовского этноса, за исключением крестьянства (98,4% общей численности мордвы), не имела какого-либо самостоятельного социально-политического значения. По справедливому замечанию профессора Владимира Абрамова, «оторвавшие-

ся от крестьянской общины, рассеянные по огромной территории, их представители являли собой переходную прослойку между мордвой и русскими и буквально таяли этнически в следующих поколениях»⁶⁰.

Таблица 4

***Сословная структура мордовского населения
Российской империи (1897 г.), чел.****

Губерния	Дворянство	Духовенство	Мещане	Казачи	Купцы	Почет. граждане	Крестьяне
Нижегородская	1	10	28	1	-	2	53002
Пензенская	6	47	18	8	2	3	187744
Симбирская	3	13	98	5	-	3	188798
Тамбовская	2	30	8	1	-	1	89661
Самарская	6	88	1236	7	1	1	237071
Саратовская	2	3	111	-	3	1	123749
Оренбургская	2	8	6058	4918	-	-	27355
Казанская	1	6	3	-	-	-	22162
Уфимская	4	3	1816	-	1	3	35436
Томская	7	1	1123	-	1	-	13540
Итого	34	209	10499	4940	8	14	978518

*Составлена на основе данных: Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 258-274; Т. 25. С. 204-205; Т. 28. С. 158-159; Т. 30. С. 241-247; Т. 36. С. 180-193; Т. 38. С. 224-239; Т. 39. С. 163-169; Т. 42. С. 233-245; Т. 45. С. 170-183; Т. 79. С. 222-237; Абрамов В.К. Мордовский народ (1897-1939). Саранск, 1996. С. 46.

Выводы

Резюмируя анализ развития мордовского этноса в имперском социуме, отметим, что мордва заняла особое место в истории империи, обусловленное спецификой ее собственного этнического и исторического развития. Она не принадлежала к числу доминирующих этносов, однако имела ряд их черт, связанных с ее участием в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель. В имперский период окончательно сложились сущностные этнические характеристики мордвы, существующие и ныне, – бинарность, пульсирующий характер этноса, его интегрированность в российское общество. Пример мордовского этноса еще раз подтверждает уже неоднократно высказы-

вавшуюся мысль о том, что в Российской империи в системе иерархии этничность играла второстепенную роль, уступая место принципам политической лояльности, социальной принадлежности, а также религиозному и цивилизационному (оседлость/неоседлость) критериям.

Примечания

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 21.

² Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сб. статей. М., 1997. С. 5.

³ См.: Арсентьев Н.М., Доленко Д.В., Юрченков В.А. Отечественная история в контексте новой культурной парадигмы // *Гуманитарий*. Саранск, 2000. С. 5-13; Они же. Центр и периферия: история России или множества Россией? // *Финно-угорский мир: история и современность / Мат-лы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (исторические и педагогические науки)*. Саранск, 2000. С. 16-25.

⁴ Бродель Ф. *Время мира*. М., 1992. С. 18, 48-49.

⁵ Doyle M.W. *Empires*. Ithaca, 1986. P. 45.

⁶ *Ibid.* P. 12.

⁷ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы XIX–XX вв. Саранск, 1977; Он же. *Мордовский этнос*. Саранск, 1989.

⁸ Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981; Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

⁹ Абрамов В.К. *Мордовский народ (1897-1939)*. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1996.

¹⁰ Подробнее см.: Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 94-95.

¹¹ Kappeler A. *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandbildes*. Bern-Frankfurt/Main, 1972; Kappeler A. *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker Mittleren Wolga vom 16 bis 19. Jahrhundert*. Köln-Wien-Böhlau, 1982.

¹² Lallukka S. *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*. Helsinki, 1990.

¹³ Kreindler I. *The Mordvinians – A Doomed Soviet Nationality?* // *The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper*. 1984. № 56.

¹⁴ См.: *История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. проф. Н.М.Арсентьева и В.А.Юрченкова*. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2001. С. 81-104.

¹⁵ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы XIX–XX вв. Саранск, 1977. С. 100-101; Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 84-89.

¹⁶ Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719-1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 33.

¹⁷ См.: Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990. P. 97.

¹⁸ См.: Francis E. Interethnic Relations. N.Y., 1976. P. 167-171, 205-207.

¹⁹ Мокшин Н.Ф. Указ. соч. С. 101-102.

²⁰ Брук С.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 24.

²¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 230.

²² Кеппен П. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852. С. 17.

²³ Castren M.A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojdischen Marchen und tatarischen Heldensagen. SPb., 1857. S. 135.

²⁴ Ahlgvist A. Versuch einer Mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Worterverzeichniss. SPb., 1861. S. VII.

²⁵ Козлов В.И. Расселение мордвы. Исторический очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 27-28.

²⁶ Мокшин Н.Ф. Мордва: этноструктура и этнические процессы // Традиционное и новое в культуре народов России: Тезисы докладов и выступлений на всероссийской конференции. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1992. С. 170.

²⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 2. С. 182.

²⁸ Лепехин И.И. Дневные записи путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг. СПб., 1771. С. 155.

²⁹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1809. Ч. 1. С. 107-108.

³⁰ Подробнее см.: Iurchenkov V. The Mordvins: Dilemmas of Mobilization in a biethnic Community // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. № 1. P. 85.

³¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1. Ст. 40.

³² Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11. Ч. 1. Разд. 6. Ст. 1-2.

³³ Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 70.

³⁴ Устав духовных консисторий. СПб., 1841. Ст. 32.

³⁵ Hämäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker. Helsinki, 1938. S. 47.

³⁶ См.: Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. Stanford, 1971. P. 65, 68.

³⁷ Kappeler A. Russland erste Nationalitäten: der Zarenreich und die Volker Mittleren Wolga vom 16 bis 19. Jh. Köln-Wien-Böhlau, 1982. S. 284.

³⁸ Абрамов В.К. По следу времени. Саранск, 1991. С. 110.

³⁹ ПСЗ. Т. 6. № 1018, 1382, 4123; Т. 11. № 8349, 8792.

⁴⁰ Юрченков В.А. Обретение мордовским народом православия // Саранские епархиальные ведомости. 1998. № 3-4. С. 72.

⁴¹ Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 6.

⁴² Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М., 1880. С. 6.

⁴³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 308-309.

⁴⁴ См.: РФ НИИЯЛИЭ, и-384, л. 26-29.

⁴⁵ См.: Старостенков С.А. Этноконфессиональное движение «кугу сорту» у марийцев: причины и механизм возникновения // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 148-149.

⁴⁶ Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. С. 6.

⁴⁷ См.: Kreindler I. Nikolai Ilminkii and Language Planning in Nineteenth-Century Russia // International of the Sociology of Language. 1979. Vol. 22. P. 9-13; Kreindler I. The Mordvinians – A Doomed Soviet Nationality? // The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper. 1984. № 56. P. 10-11.

⁴⁸ Знаменский П.Н. На память о Н.И.Ильминском. Казань, 1892. С. 204.

⁴⁹ Подробнее см.: Абрамов В.К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1996. С. 375.

⁵⁰ Брук С.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 33-34.

⁵¹ Михайлов В. Немцы о мордве // Советская Мордовия. 1990. 4-5 августа.

⁵² Цит. по: Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М.: Современник, 1994. С. 19-20.

⁵³ Смирнов И.Н. Мордва. Казань, 1895. С. 112.

⁵⁴ Абрамов В.К. Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ Цит. по: Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 59.

⁵⁶ Ильминский Н.И. Из неизданных писем Н.И.Ильминского к графу Д.А.Толстому // Сотрудник Братства Гурия. 1911. № 15-16. С. 244.

⁵⁷ Лепехин И.И. Указ. соч. С. 155.

⁵⁸ Kappeler A. Russland erste Nationalitäten: der Zarenreich und die Volker Mittleren Wolga vom 16 bis 19. Jh. Köln-Wien-Böhlau, 1982. S. 246-249, 253.

⁵⁹ Ibid. S. 259-270; Hellie R. The Petrine Army: Continuity, Change and Impact // Canadian-American Slavic Studies. Pittsburgh, 1974. Vol. 8. P. 248.

⁶⁰ Абрамов В.К. Указ. соч. С. 47.